КРОКОДИЛ

№ 30 МОСКВА 20 СЕНТЯБРЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ МЕЧТАНИЙ О «ВЕЛИКОЙ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ»?



Ниче-го.

Рис. К. Елисеева

ПАРИС ВЫБИРАЕТ

Рис. Кукрыниксы

Греческие реакционеры запугивают избирателей накануне предстоящих выборов.



— Кто прекраснее собою,
Голос свой тому отдай!..

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА



АЛЕКСАНДРОВСК НА САХАЛИНЕ. Временно исполнявший должность «полуострова» советский остров Сахалин приступил к исполнению своих прежних обязанностей в полном объёме.

ИОКАГАМА. В связи с усовершенствованием методов харакири и падением спроса на самурайские мечи местная промышленность прекратила выпуск этой разновидности японского ширпотреба.

ТОКИО. В связи с тем, что у подножия потухшего вулкана Фудзияма обнаружены бывший германский посол в Японии Штаммер и 150 других потухших фашистских дипломатов, это место переименовано в потухшую фудзияму.

ОСЛО. Как утверждают авторитетные судебные круги, жалоба Квислинга на то, что он за время процесса потерял в весе, будет оставлена без внимания. «На весах правосудия, — разъясняют юристы, — живой вес подсудимого не имеет значения, ибо квислингов судят не по весу, а поштучно! Тем более, что по приговору суда Квислинг должен потерять все свои килограммы».

НЬЮ-ЙОРК. Так как первый в истории мореплавания трансатлантический рейс советских ладей оказался удачным, в дальнейшем предполагается наладить регулярное шахматное сообщение между СССР и США.

Поцелуй в диафрагму

СОЛНЦЕ садилось за пампасы, а может быть, и за льяносы: оно в этом не разбиралось. Пейзаж был, во всяком случае, явно аргентинский. Для полноты картины недоставало только немцев!

Голливудских кинооператоров последнее обстоятельство нисколько не огорчало. Наоборот: они были даже рады ему. Кинозрителю немцы надоели. Он требовал развлекательных фильмов: видовых, экзотических, со зверьём, но только не с фашистским. И обязательно — с благополучным концом, с поцелуем в диафрагму.

Такой именно фильм и предстояло снять теперь. Начало фильму было, в сущности, давно положено. Операторы засняли уже шестерых стремительно скачущих всадников-ковбоев в шести широкополых шляпах, с шестью лассо в руках и 1462 стремительно удирающих от них полудиких лошади. Если прибавить к этому снятые попутно 7565 метров придорожного пейзажа (пампасы или льяносы, но, безусловно, что-то вроде прерий) и столько же метров испорченной плёнки, съёмку фильма можно было, в сущности, считать почти законченной.

— Олл райт! — сказал человек в берете и роговых очках человеку в роговых очках и берете.— Не хватает только бизонов. Пампасы без бизонов — то же, что коктейль-холл без коктейля. Как вы думаете, Билли?

— Я думаю точно так же,— подтвердил второй из голливудцев,— но... бизоны думают об этом иначе. По крайней мере, они не спешат попасть на экран. Уж не обижены ли они тем, что первыми были сняты олени для «Бемби»... Как вы полагаете, Джимми?

Джимми вместо ответа посмотрел на часы.

— Насколько я понимаю в бизоньей психологии,— сказал он деловито,— бизоны перед заходом солнца обязательно пойдут на водопой. Если мы подождём здесь ещё немного...

Облако пыли и шум приближающегося стада подтвердили, что в психологии бизонов Джимми действительно знал толк.

— Приготовились, Билли! — шепнул он, юркнув вслед за своим невольно посторонившимся другом в густую растительность пампасов-льяносов, или — как их там? — прерий.— Я хочу зафиксировать на плёнке их рёв. Фильм должен быть если не говорящим, то мычащим!

Бизоны между тем шли прямо на скрытый от них фотообъектив. За шумом своих шагов они не слышали стрекотания киноаппарата. Понуро опустив голову, шёл впереди стада вожак. Он повёл глазами по сторонам, понюхал воздух и, решив, повидимому, что никакая опасность стаду не грозит, сказал на чистом немецком языке:

— Абер дох... можно, пожалуй, и отдохнуть, мейне геррен?

— Я давно сделал бы это, если бы не ваша глупая мнительность,— проворчал бизон из рядовых, вылезая из мешковато сидевшей на нём бизоньей шкуры и отирая струящийся с арийского лица ручьями пот.

Бизоний вожак строго покосился на смутьяна:

— Я бы советовал вам, бизон Краузе, не забывать всё-таки, что я являюсь зондерфюрером.

— Являлся! — не без язвительности поправил Краузе.— Теперь вы только бизондерфюрер. Но мне, чорт возьми, надоело скрываться под этой дурацкой шкурой! И от кого? От иностранных корреспондентов.

«Зондербизон» пожал лопатками:

— Вы предпочли бы сейчас быть в шкуре герра Геринга? Что ж, дас ист ейне гешмаксахе... Это дело вкуса. Что касается меня, я предпочитаю быть последним бизоном в Аргентине, чем первым в списке подсудимых в Нюрнберге.

— И м-мы! — единодушно промычало всё бизонье стадо, двигаясь вслед торопливо зашагавшему бизоненфюреру.

Экс-бизон Краузе постоял минуту — другую в нерешительности, потом сокрушённо махнул рукой, напялил на себя сброшенную было бизонью шкуру и, окончательно махнув хвостом на всё, пустился вскачь догонять стадо.

Кинооператоры вышли из травяных зарослей, опутанные, как киноплёнкой, лианами.

— Что вы скажете на это, Билли? — мрачно спросил знаток бизоньей психологии.

— Насколько я понимаю в бизоньей филологии,— весело ответил Билли,— эти бизоны говорили явно по-немецки.

— Ну, и что же из этого следует?

— Ничего. Кроме того, конечно, что вас можно поздравить, Джимми. Вы сняли антифашистский фильм. Без поцелуя в диафрагму, правда, но зато с немцами.

— Но кто же, чорт возьми, виноват в этом?! — раздражённо воскликнул Джимми.— Разве можно было ждать этого от бизонов?

— От бизонов — нет,—согласился Билли спокойно.— Этого можно было ожидать от немцев.

Джимми не стал спорить. Он закурил сигаретту марки «Виргиниа табакко», повертел в руках последнюю пустую кассету от растраченной не по назначению киноплёнки и швырнул её затем в эти — как их там? — пампрерии.

Эмиль КРОТКИЙ.

Заявление

ПРОКУРОРУ 4-го района.

С этим заявлением обращается к вам Птенчиков Егор Васильевич (см. дело № 207).

На допросе я категорически отвергал (лист дела 4) всякое своё причастие к получению взяток. С благородным негодованием (л. д. 7) я протестовал против подобных обвинений. Я отвергал (л. д. 16) всякую мысль о том, что я, Птенчиков Егор Васильевич, мог стать на такой преступный путь.

Настоящим решительно заявляю, что я в своих показаниях нагло (л. д. 1—19) врал. После долгих колебаний я твёрдо решил сознаться. Да, я брал взятки.

И вот как это случилось.

Как-то раз этой весной — дело было в воскресенье — я взял удочки и пошёл на речку ловить карасей. Сижу на берегу час, другой, третий — не клюёт. Начал предаваться грустным размышлениям упадочнического характера.

А недалеко от меня, за кустиком, сидит с удочками неизвестный мне гражданин, который впоследствии оказался жуликом и прохвостом по фамилии Графинов (л. д. 8). У меня, как уже выше обозначено, не клевало, а этот жулик и прохвост тащит из речки карася за карасём.

Проканителился я ещё около часа. Дело ограничилось исключительно купаньем червей. Но ни одна рыбка, хоть самая пустяковая, не удостоила меня вниманием. И вот начал я сматывать удочки в буквальном смысле этого слова.

Тут как раз подходит ко мне с заранее обдуманным намерением упомянутый Графинов, называет меня по имени-отчеству, причём низко кланяется и говорит:

— Без улова, Егор Васильевич, как-то несподручно домой возвращаться. Ещё супруга ваша Анна Игнатьевна (л. д. 4) начнёт вас шпынять. Не побрезгуйте моей рыбкой, Егор Васильевич. Могу вам позаимствовать десяток первоклассных карасей.

Я взял. Так состоялось наше знакомство.

На той же неделе, во вторник, в нашем учреждении были перевыборы месткома. Воспользовавшись профсоюзным собранием, я пошёл на рыбную ловлю.

Не успел я нацепить червячков на крючки, как подле меня вырос, словно из-под земли, тот же самый Графинов. В руках у него были удочки и корзинка. Он попросил у меня разрешения занять место на берегу рядом со мной.

А минут через десяток он, подлец, и говорит мне:

— А я уже сегодня рыбку ловил.

— Поймали? — спрашиваю.

— Здорово клевало! — отвечает он. — Могу показать свой улов.

Тут же он лезет в корзинку, вынимает оттуда банку шпрот, банку налимьей печонки и поллитра очищенной.

— Клюнет рыба или нет, — говорит он, — а рыбак обязан клюнуть.

Я из вежливости начал было отказываться, но затем всё-таки выпил. Иногда я этим делом (л. д. 13) грешу.

А дня через два приходит он ко мне в канцелярию и просит выдать одну справочку незаконного свойства.

— Надо обдумать, — говорю ему, — как это лучше оформить. Зайдите-ка часика через три.

— Хорошо, — соглашается он. — Ровно через три часа я буду у вас.

Потом вдруг, понизив голос, спрашивает:

— А по каким часам?

Я не понял вопроса. Он поспешил разъяснить:

— Видите ли, я человек точный. Время — деньги. Часы — тоже деньги (л. д. 9). Вот по этим часам и оформляйте мою справку.

Кладёт мне на стол золотые часы и покидает мой кабинет.

А через несколько дней присылает он ко мне с записочкой некоего Караванова (по моему делу у вас не фигурирует) и просит оказать ему внимание. Я оказал.

Короче говоря, на последнем допросе у вас я был, если изволили заметить, в сером коверкотовом костюме. Так вот...

Нет, тут я по рассеянности малость напутал. Барабанов принёс мне отрез на шубу для жены. А серый костюм — это от другого, его фамилия, кажется,— Баляшкин.

Вот и весь мой рассказ о том, как я ещё на речке клюнул на первую приманку, а потом уже пошёл клевать и клевать...

Итак, товарищ прокурор, я взяточник. Я подлежу суровому наказанию. Я много передумал, прежде чем написать вам это заявление. Я твёрдо решил сознаться. Стыдно продолжать такое существование.

Накажите меня, и приговор крупным шрифтом опубликуйте в печати. Чтоб другим неповадно было.

* * *

Простите, читатель, я ввёл вас в заблуждение. Птенчиков Егор Васильевич не писал такого заявления. А следовало бы...

Г. РЫКЛИН

МАШИНА НЕ БЕРЕТ...

Рис. С. Костина



— Нет, нет, не просите!.. Машина столько груза не возьмёт!
— Что же сделать?
— Надо скинуть килограммчиков пятьдесят... у моей дачи.

ОН ПРИЕХАЛ...

К приезду Д. Пристли

Дружеский шарж И. Семёнова.



— Милости просим! Ваши вещи давно уже у нас.

Судьба...

КОМУ не хочется узнать свою судьбу?.. А меня так прямо и заело проведать, что меня ждёт впереди.

И вспомнил я, что есть такое место, где сидят люди, которые самую запутанную людскую долю видят чисто как в кино. И место это — Галицкий базар...

Взял я тридцатку и пошёл. Действительно, на базаре множество сидит всякого люда — и с картами и с книгами, заправляющими судьбой человеческой...

Толпятся возле тех заветных книг и карт девчата, молодицы, старухи глубокие...

Перед оракулом сидит молодица. Рукой щёку подпёрла и внимательно слушает гукдосо монотонное:

— ...И народились вы, гражданочка, под планетой Венерой. Жисть ваша, гражданочка, наполнится удачами и неудачами. Червонный король в ваших мыслях, гражданочка, и вы думаете, что его нет, но, наоборот, гражданочка, он есть. За два дня до Спаса получите нежданное известие, которое известие растянется до самого Покрова. И ежели за этот час вы не получите известия, что его нет, то август—сентябрь — два этих месяца — всё чисто объяснят и решат. А несчастливые ваши дни — вторник и пятница. Этих дней остерегайтесь. И будет вам дорога,—может, дальняя, а может, и близкая; но будет!

А гражданочка плачет, заливается.

— Ежели что непонятно,— спрашивай! — предлагает оракул.

Вся в слезах гражданочка и слова не может произнести. Очень она несчастливого вторника испугалась.

Много-много слёз падает на мостовую возле тех мест, где сидят слепые, в тёмных очках, люди со страшными, непонятными, мудрыми, всезнающими книгами в руках.

«Вершители судеб...»

Постояв довольно долго в очереди за судьбой, присел и я.

— Год и месяц вашего рождения?

— Единственное место,— подумал я,— где я смогу сойти за двадцатипятилетнего парубка... Ну, ей богу! Так хочется быть двадцатипятилетним! Осточертело мне такое положение... Пока дойдёшь до Оперного театра, мысли твои уже поворачивают на Владимирскую горку, а ноги непроизвольно направляются в сторону Байкового кладбища...

— 20-го года рождения, в октябре,— смело отвечаю.

Сперва линиями левой руки, а потом по книге странная-престранная судьба обрисовалась моя...

Родился я, значит, под планетой «Палладою».

Планета, выходит, подходящая, если до сих пор в молодости меня держит, ничего неприятного мне в жизни не причинила и причинять не собирается. Что правда: надлежит мне остерегаться трефового короля в казённом доме, этот король готовит мне явную каверзу.

Но от трефового короля меня крепко охраняют целых два благороднейших короля — червонный и бубновый — и на растерзание трефовому не отдадут.

Счастливых для меня дней имею в неделю четыре: вторник, четверг, субботу и воскресенье.

Путешествовать мне можно только на восток, север и юг. На запад — ни в коем случае: запад для меня несчастливый.

Надлежит мне беречься простуды и избегать скверной пищи: если сильно простужусь или объемся, — это может причинить вред моему здоровью.

По железной дороге ездить могу без всякого страха, только ложиться на рельсы перед тем, как должен пройти поезд, нельзя. На самолётах также могу летать без опаски, не рекомендуется только прыгать с самолёта, пока он не приземлится.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

РЕЗОННЫЙ ВЫБОР

— Значит, вы обвенчались с моим сыном,— сказал старый купец своей секретарше.—Мне кажется, что вы должны были раньше переговорить об этом со мной!

— Да, да, — ответила секретарша. — Я тоже думала об этом. Но когда я сравнила вас с вашим сыном, я решила обратиться к нему.

ПРОБА

Одна из студенток особенно ревностно защищала права женщин в экономической жизни и доказывала, что женщина во всех отношениях стоит выше мужчины.

— Чем вы объясняете в таком случае, — спросил её старый профессор, — что бог раньше создал мужчину, а потом женщину?

— Вполне естественно! — отвечала девушка. — Всегда сначала пишут черновик, а потом переписывают набело!

ПОЛЬЗА ЛЕЧЕНИЯ

— Доброе утро, доктор. Я зашёл поблагодарить вас за лечение: оно принесло мне громадную пользу.

— Но позвольте, вы не лечились у меня...
— Лечился мой дядя, а я его наследник.

Соблюдая эти условия, проживу 54 года.

В августе или сентябре (не позднее) должен получить «денежный интерес».

Однако я не знаю, сколько того «интереса» будет, хотелось бы побольше и поскорее...

Женюсь через год — на двадцать шестом году своей молодой жизни... детей будет двое: мальчик и девочка.

На сердце у меня червовая дама.

Тут я уже совсем растерялся. А. А. Чайка — знаменитый наш киевский профессор,— говорил мне, что у меня на сердце миокардит. А оно, вишь, не так. Не миокардит, а червовая дама...

Схватишься за это сердце и думаешь:

— Что ж это там тукает?

А оно, вишь, оказывается, сидит в левом желудочке червовая дамочка, красит губки и мою венную артерию теребит. Отсюда и перебои.

— Понятно? — спрашивает оракул.

— Очень понятно,— отвечаю.

— А теперь можете спрашивать, что вас ещё интересует.

— Скажите в таком случае, сколько трудодней тратят на базары — ну, возьмём хотя бы этот Галицкий базар — разные спекулянты, мошенники и всякие подозрительные людишки? И сколько гектаров можно было бы убрать пшеницы, ржи или свёклы, если б эти людишки отработали хотя бы по неделе в горячий час жатвы?..

Второй вопрос:

— Почему на базаре можно купить газету за пять рублей, даже в день её выхода, а в киосках «Союзпечати» — унылая пустота?

Третий вопрос:

— Кто следит на базаре за санитарным состоянием местных «ресторации»? Кто отгоняет с пищи мух, и где моют руки «рестораторы», и моют ли они их вообще?

Четвёртый вопрос:

— Почему в некоторых драмах убивают молодую героиню в конце пьесы, а не перед спектаклем?

Пятый вопрос:

— Какая планета заведует печатанием наших периодических журналов и будет ли она выпускать их своевременно, то есть в год, каким они обозначены?

Шестой вопрос:

— Когда, наконец, наведут порядок в скверинах, на Софиевской площади? Была там зелень, была детская площадка. Перерыли, перекопали, недокопали, да так и бросили. Детям негде играть, кругом пыль, грязь, окурки... А сколько экскурсантов всегда у памятника Богдана Хмельницкого! И кто перед ними и перед детьми краснеть должен?

И, наконец, последний вопрос:

— Спасибо вам за предсказанную мне неплохую судьбу, но, скажите на милость, долго ли вы ещё будете людям головы морочить? Я понимаю, что и оракул есть просит, но разве мы не знаем, какие прекрасные вещи ширпотреба изготовляют слепые, разве мы не знаем, что они работают на заводах и чудесно управляют станками и мельчайшими деталями? К чему же сидеть на базарах и обдуривать доверчивых женщин? Кому это всё нужно?

И ответил мне оракул на все мои вопросы.

— Планета «Паллада»,— сказал он,— всем этим не ведает. Этим,— говорит,— управляет другая планета... к ней,—говорит,—и обращайтесь!..

Придётся.

Остап ВИШНЯ.

Перевод с украинского
Т. СТАХ

г. Киев.

ОДНАЖДЫ...

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ

Однажды интервьюер французской газеты «Фигаро» спросил знаменитую актрису Сарру Бернар:

— Какую форму смерти вы считаете лучшею? От какой болезни?

— От любви! — ответила Сарра Бернар.

«...И КАК-ТО НЕВЗНАЧАЙ Я КАЛАМБУР РОЖУ»

Однажды поэт-каламбурист Минаев прислал своим друзьям парижскую открытку следующего содержания:

«В полуднєвный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где на сене,
Лёжа, слушал песню Сени:
«Ах, вы сени, мои сени!»

РАСЧЕТЛИВЫЙ ШОУ

Однажды Бернард Шоу снялся у прославленного придворного фотографа. На счёте, полученном им через несколько дней, значилась кругленькая сумма в 200 фунтов стерлингов. Шоу послал в уплату десять чеков по двадцать фунтов. На вопрос фотографа, почему он не погашает долг одним чеком, Шоу ответил:

— Мне известно, что некоторые любители платят за мой автограф по двадцать пять фунтов. Оплачивая ваш счёт десятью чеками, я действую к нашей взаимной выгоде: вы можете распродать эти чеки собирателям автографов и выручить двести пятьдесят фунтов. Покупатели же, желая сохранить автографы, не станут инкассировать чеки, и я буду избавлен от платежа.

ЗАСТРАХОВАНЫ ОТ КРАЖ

Рис. Л. Бродаты

В магазинах Челябинска скопилось много неходовых товаров.



— А сторож у вас есть?
— Зачем? Кто такую продукцию станет воровать?

ПЛЕВОЕ ДЕЛО

Рис. Л. Сойфертиса



— Не плевать на пол? Пожалуйста! Мне это — раз плюнуть!

В пиджаке

ЕСЛИ вы служили в армии и долго носили военную форму, то вам, наверное, знакомо странное чувство неловкости и стеснения, которое испытывает каждый военный человек, надевший штатскую одежду.

Всё время хочется одёрнуть пиджак, как гимнастёрку, и заправить складки под пояс, существующий только в вашем воображении. На голове, привыкшей к военной фуражке, никак не хочет правильно сидеть шляпа: она или опускается вам на уши, делая вас похожим на анекдотического коммивояжёра — продавца патентованных подтяжек,— или, наоборот, нахально лезет на затылок, и тогда вы вдруг превращаетесь в развязного уличного пижона с придурковато-растерянным выражением лица.

Проходит несколько дней, и вы привыкаете к штатскому платью и даже приручаете свою шляпу, хотя шляпы поддаются дрессировке туго, как кошки.

Но первый день борьбы со своим штатским «я» всегда мучителен.

Пётр Николаевич Смирнов, капитан инженерных войск, недавно демобилизованный из армии как научный работник и крупный специалист, возвращаясь домой из части, испытывал именно это чувство смущения и неловкости: первый раз сегодня после четырёх лет войны он надел штатский костюм.

Костюм был хороший, тёмносиний, в белую полоску, и сидел хорошо, и ленточки боевых орденов красиво выделялись на свежеотглаженном борту пиджака, но бывшему капитану было не по себе.

Ему неловко было потому, что шёл он не один, а с девушкой, с которой познакомился в гостях и которую обязался проводить домой.

Про девушку Пётр Николаевич знал лишь то, что зовут её Наташа и что она прелестна со своими мягкими карими глазами, в глубине которых вспыхивали и гасли светлые искорки внутреннего смеха, и с очаровательным овалом лица, свежего, как майский берёзовый лист, омытый дождём.

Девушка была хорошо и со вкусом одета в простое, но безукоризненно сшитое яркое летнее платье с короткими рукавами, позволяющими видеть округлые загорелые руки. На её тщательно причёсанной головке красовалась кокетливая голубая шляпка, похожая на большую нарядную бабочку, присевшую отдохнуть на золотой цветок. Капитан, привыкший за время войны к общению с женщинами, одетыми в мужские галифе и высокие сапоги (с ними он разговаривал или как начальник или как товарищ по оружию), решительно не знал, о чём ему говорить с этим изысканным воздушным созданием. К тому же его стеснял «необжитый» штатский костюм.

Бывший капитан ёжился, передёргивал плечами, вздыхал. Наконец, когда он рефлекторно попытался поправить несуществующую портупею, девушка не выдержала.

— Что с вами?..

— Ничего... А что?

— Вы всё время как-то... жмётесь. Вам что-нибудь мешает?

Пётр Николаевич густо покраснел. На его загорелом лбу выступил пот. Он подумал: «Не хватает, чтобы она решила, будто меня кусает блоха!..»

Преодолев смущение, он ответил:

— Мне просто немножко холодно!

— Что вы? Какая теплынь! Я в одном платье и то мне жарко!

— А мне холодно!

— Холодно, а у самого пот на лбу!

— Это холодный пот!—сказал бывший капитан, не глядя на девушку.

— Разве вам со мной так страшно?

— Мне не страшно. Просто это... такое свойство кожи...

— Потеть, когда холодно?

— Не потеть, в обычном смысле, а вообще... покрываться.

— Чем покрываться?

— Покрываться холодным потом! — сказал бывший капитан, подавленный бессмысленностью этой неэстетической темы.

— Бедняжка! Значит, у вас больная кожа?

— Да!—сказал Пётр Николаевич, чтобы прекратить разговор о поте, грозивший завести его в такие дебри, откуда нет возврата.

Целый квартал они прошли молча. «Хорошенькое у неё сложится обо мне представление,— подумал Пётр Николаевич,— идёт рядом этакий молчаливый дядя с больной кожей и если говорит, то о... поте!.. Подходящая темка для светского разговора с малознакомой девушкой!..

«Но о чём же мне с ней говорить? — продолжал на ходу размышлять Пётр Николаевич.— О фронте? Ей будет неинтересно! О театрах?.. Я ещё нигде не успел побывать! О литературе?.. Тут я тоже поотстал. Неужели же говорить о погоде? Чорт с ним, начну о погоде... а там — видно будет!..»

— Погода нынче стоит хорошая!—бодро начал бывший капитан, вступая в лужу от недавно пролившегося дождя.

— А по-моему погода нынче стоит плохая!—сердито сказала девушка.— Доказательством может служить мой чулок, который вы забрызгали грязью...

— Извините... я нечаянно!..

Разговор о погоде увял, не успев расцвесть.

Ещё квартал прошли молча. Бывший капитан мысленно ругал себя за неловкость, досадуя на стеснявший его штатский костюм и на новые тесные туфли, которые немилосердно жали его ноги, привыкшие к просторным походным сапогам. Прихрамывая, он даже с некоторой неприязнью стал думать о своей изящной спутнице.

«Подумаешь — чулок ей забрызгал, так она уже ощетинилась! Чтобы ты, матушка, запела, если бы тебя ко мне на фронт прислали... в своё время!..»

— Что же вы молчите?— спросила девушка.

Пётр Николаевич сухо ответил:

— У меня голова болит!

— Боже мой! Кожа у него больная, голова больная! А почему вы как будто прихрамываете?

— У меня ноги... тоже... больные!..

—Может быть, вы тогда домой пойдёте? Если вы такой... весь больной!.. Я одна дойду...

«Кажется, меня прогоняют!»—с ужасом подумал бывший капитан.

И в этот миг навстречу им из-за угла вышел высокий статный генерал-лейтенант в полной форме с орденами в два ряда на широкой груди.

Рука Петра Николаевича автоматически взметнулась кверху и, приложив ладонь к фетровой шляпе, он привычным жестом отдал приветствие генералу, посмотревшему на него с нескрываемым удивлением. Пётр Николаевич, сконфузившись, отдёрнул руку, метнув быстрый взгляд на девушку, и увидел, что это изысканное созданье в голубой шляпке... тоже держит руку у виска, приветствуя по уставу старшего по званию.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Автоматика сыграла!!!—развела руками девушка.— Привычка, ничего не попишешь!..

— Позвольте,— сказал бывший капитан,— у меня-то действительно автоматика. Я всего три дня назад демобилизован! А вы-то! Вы почему руку вскинули?

— А меня тоже три дня назад демобилизовали...

— Вы что ж, на фронте были?

— Была! На Первом Украинском...

— Позвольте, я же сам тоже с Первого Украинского!..

...Расстались они только через два часа. Ходили по улицам и говорили, говорили, говорили... Темы разговора цеплялись одна за другую, и разговор бежал легко и весело, как горный ручеёк.

Чувство неловкости у капитана прошло, штатский пиджак его больше не стеснял и даже тесные туфли как будто перестали жать.

Леонид ЛЕНЧ

СКОЛЬКО СТОИТ ОДНА ПОРЦИЯ МОРОЖЕНОГО?

Рис. И. Семёнова



Сто граммов—десять рублей.



Чистка костюма — двадцать рублей.



Штраф — двадцать пять рублей.



Врачу за извлечение занозы — тридцать рублей. Итого — восемьдесят пять рублей.

КАК Я БОЛЕЛ

(В ДНИ РАДИОМАТЧА СССР—США)

Я у радиоприёмника
Трое суток просидел.
Я не мог прервать приём никак,
Всех других не бросить дел.
Говорили мне: «Пора-де вам
Закусить к исходу дня...»
Отвечал я, что по радио
Съели только что коня.
А, узнав, что слон в Америке
Королеву заменил,
Мой сосед почти в истерике
К Склифассовскому звонил.
— Психиатра на Валовую,
И, пожалуйста, скорей!..
А соседка бестолковая
Причитала у дверей.
— На Канатчикову брать его?
Жалко!.. Парень пропадёт...
Я же знала, что орадиво
До добра не доведёт...

А когда под утро прибыли
Из больницы доктора,
Я их встретил: «Кто б вы ни были,
Крикнем громкое: «Ура!..»
К ним я бросился стремительно,
Что б в своих объятьях сжать...
И рубашки их смирительной
Удалось мне избежать.
— Не нужна больному клиника, —
Вот диагноз докторов, —
Он болеет за Ботвинника,
Он болеет, но здоров!

М. СЛОБОДСКОЙ

●

ОТЦЫ И ДЕТИ

Отец вышел на прогулку со своим маленьким сыном, и мальчик спросил его, каким образом электричество бежит по проводам.

— Не знаю,— ответил отец.— Я всегда слабо разбирался в электричестве.

Несколько минут спустя любознательный ребёнок спросил, отчего бывают гром и молния.

— Скажу по правде,— отвечал отец,— что сам не понимаю этого как следует.

— А, скажи, папа...— начал было ребёнок, но тут же осекся, понимая всю безнадёжность дальнейших расспросов.

— Говори, говори,— сказал отец.— Задавай вопросы, задавай тысячи вопросов! Как же иначе ты чему-нибудь научишься!





(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Выручай, спасай! Наше здоровье в опасности. Мы, нижеподписавшиеся, стали кинобольщиками. В буквальном смысле этого слова: мы заболели от кино.

Как передовые люди, мы рады достижениям техники, мы рады, что кино — этот «великий немой» — заговорило. Но в наших, семипалатинских, условиях мы очень опасаемся: если кино не станет снова немым, мы станем глухими.

Механики кинотеатра «Октябрь» установили в окне театра репродуктор и транслируют на улицу ежедневно с утра до поздней ночи звуковую часть фильмов. А чтобы нам не было скучно, в редкие перерывы они транслируют старые граммофонные пластинки.

Так что мы не имеем ни одной минуты покоя и тишины. Наши обращения к начальнику управления кинофикации и в облисполком ни к чему не привели: должно быть, иерихонская труба из кинотеатра «Октябрь» оглушила и их, и они никак не могут реагировать на наши переживания.

Жители домов №№ 106, 108, 110 по Пушкинской ул.: Д. БОЧКАРЕВА, Н. БОЧКАРЕВ, В. СТЕПАНОВА, С. ИВАНОВА

г. Семипалатинск

●

Дорогой Крокодил!

Дирекция Лефортовского парка выбрала уютнейший уголок для танцев. Представь себе небольшой живописный островок, на котором заботливо оборудована танцовальная площадка. Дивный воздух. Пышная зелень. Благоухают цветы. Играет оркестр. В медленном вальсе кружатся пары. Какая благодать! Какое непринуждённое веселье!..

Посмотри: вон там некий молодой человек, под хохот друзей, старается воткнуть горящую папиросу в причёску миловидной блондинки, проносящейся мимо. Он знает, что бросать папиросу на пол неприлично, и, видимо, поэтому избрал такой элегантный способ расстаться с окурком.

А что случилось в том углу? Какое буйное веселье! Оказывается, группа развязных юношей в порядке самодеятельности решила внести некоторое оживление в танцы. Они подставляют палки под ноги танцующим, которые падают на пол к великому удовольствию доморощенных остряков, встречающих диким ржанием каждое новое падение.

Надо полагать, что при содействии заботливой администрации безнаказанными хулиганами будет придуман новый цикл аттракционов, который внесёт ещё большее оживление на танцовальной площадке парка.

В. КОМАРОВ

г. Москва.

●

Дорогой Крокодил!

Я глубоко возмущён поведением некоторых граждан города Кемерово, категорически не желающих считаться с планами Кемеровского торга.

Почему, спрашивается, в Кемерове рождаются каждый квартал 1000 — 1200 ребят, в то время как, по расчётам почтенного торга, на свет должно появляться не более 400 малюток. И максимум на 400 комплектов приданого могут рассчитывать новорожденные.

Пусть это помнят легкомысленные мамаши и постараются уложиться в контрольные цифры. Нужно в конце концов уважать такое солидное учреждение, как Кемеровоторг, и не требовать для всех малышей приданого.

С. ВОЩИН

г. Кемерово

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◇ В № 19 Крокодил сообщил о том, что директор завода шампанских вин в городе Фрунзе Иконников сорвал план строительных работ, затратив в то же время крупные средства на непроизводственные расходы. Иконников с работы снят. Числившиеся за ним подотчётные суммы взысканы.

◇ При попустительстве горкомхоза администрация Барнаульской больницы уничтожила сосновую рощу. По письму читательницы тов. Масленниковой в № 18 Крокодила главный врач больницы Авдюничев снят с работы.

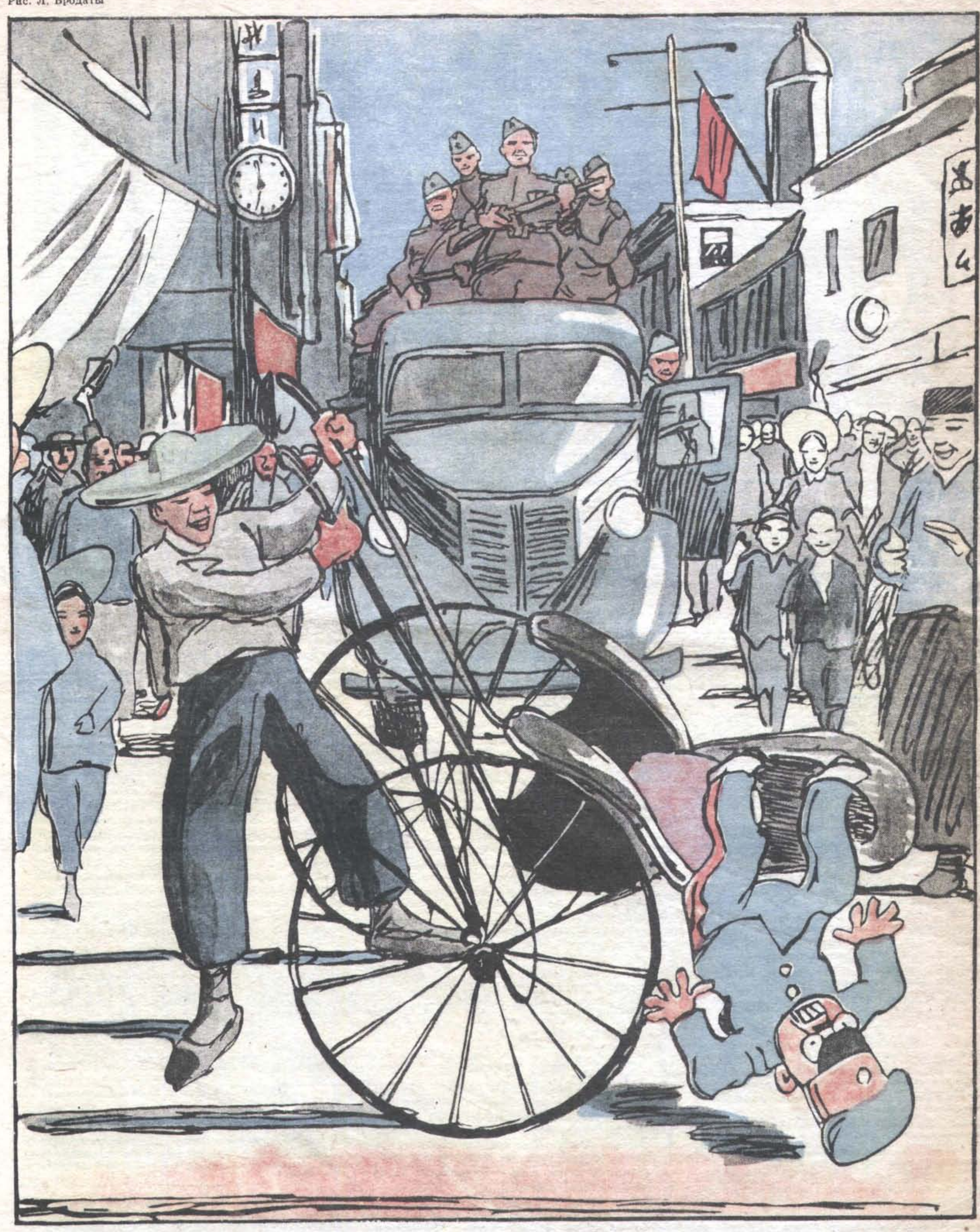
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 643. Подп. к печати 19/IX 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 23010. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1872. Тираж 114.000 экз.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Рис. Л. Бродаты



— Слезай: приехали!